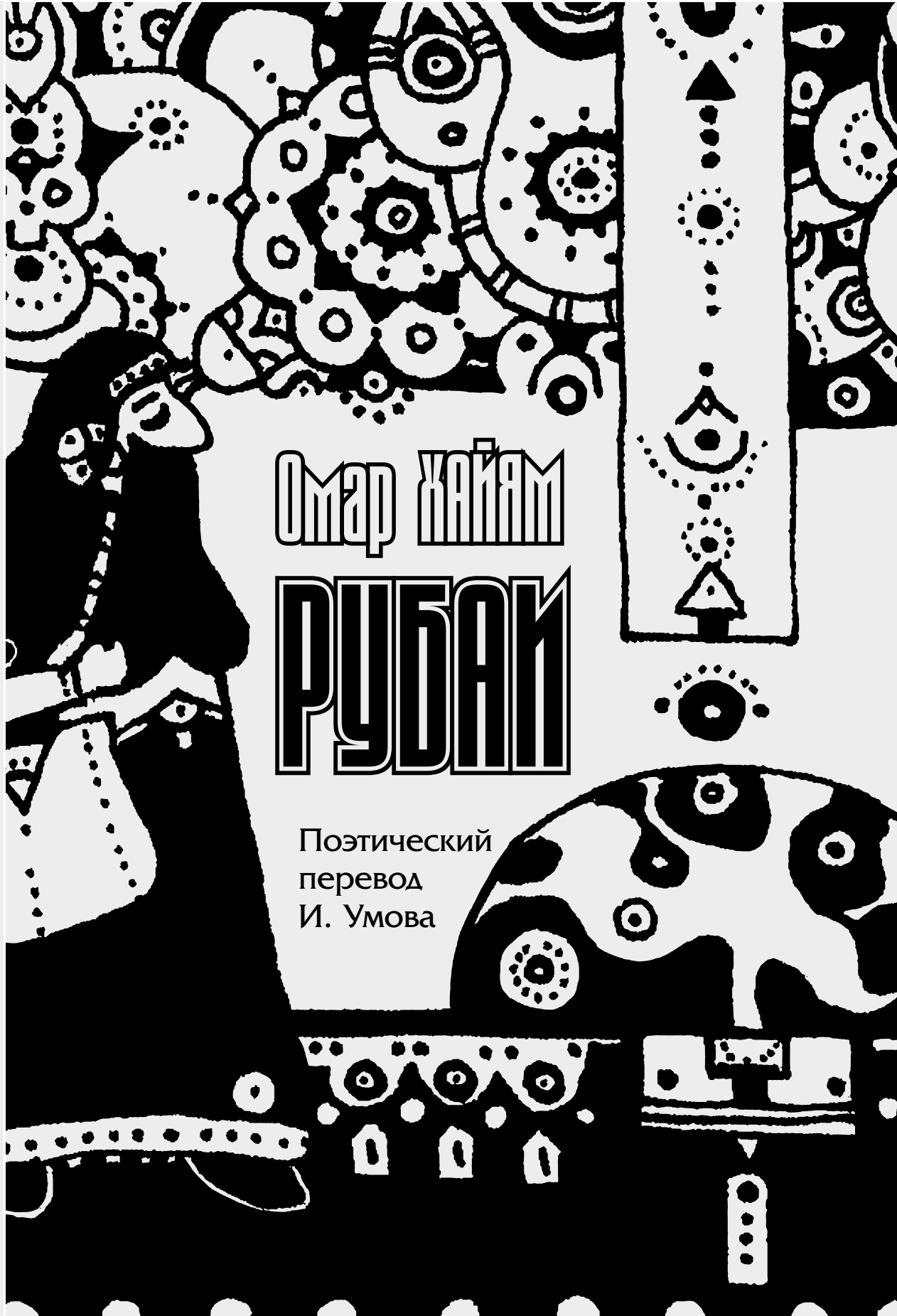

Омар Хайям РУБАИ

Поэтический
перевод
И. Умова

Омар ХАЙЯМ

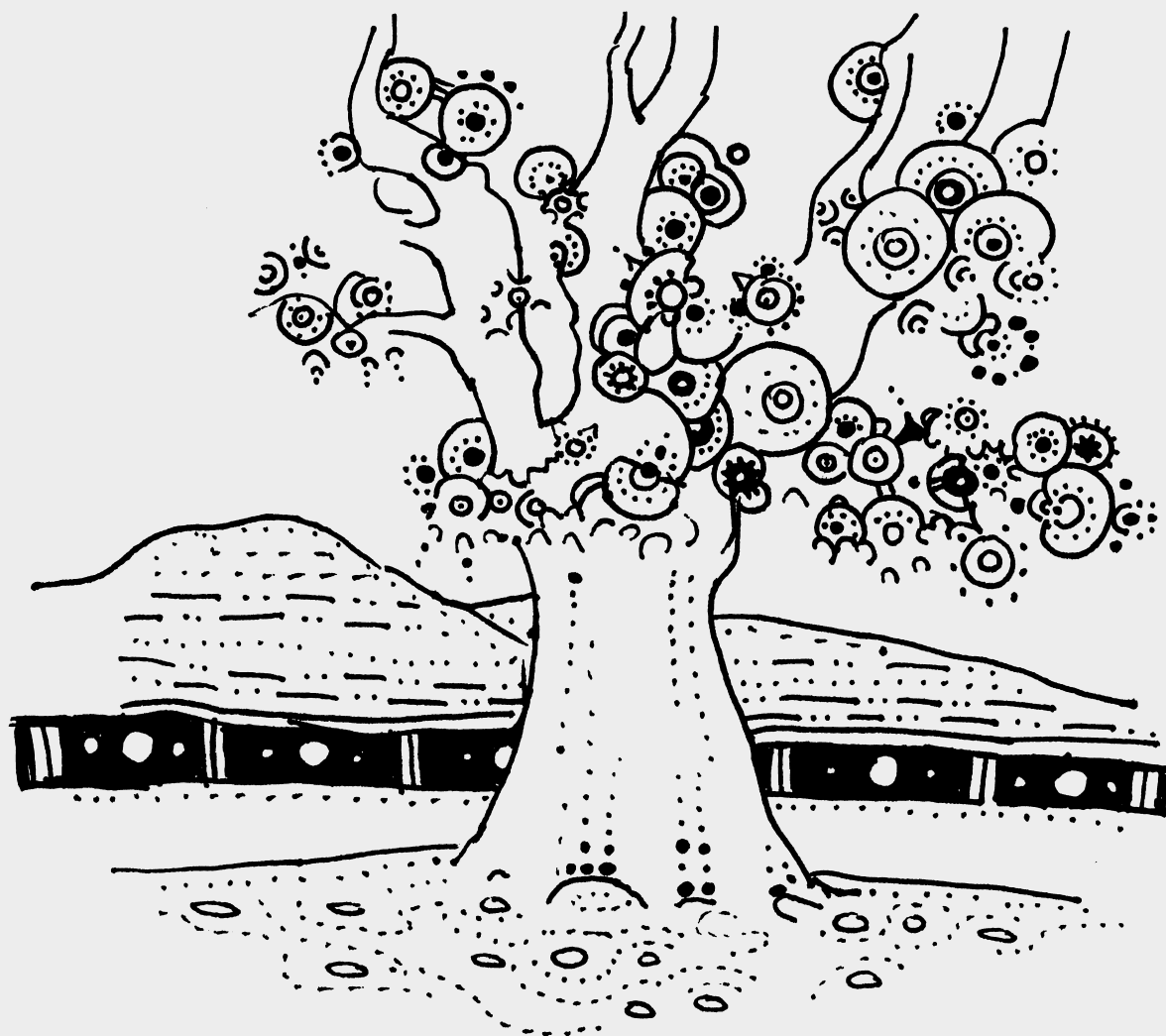
РУБАИ

Поэтический перевод
И. Умова

Ничтожен мир, и все ничтожно,
Что в жалком мире ты познал;
Что слышал, суетно и ложно,
И тщетно все, что ты сказал.
Ты мыслил в хижине смиренной,
О чем? К чему? — Ничтожно то.
Ты обошел концы Вселенной,—
Но все пред Вечностью — ничто.

Взгляни же: я жил во Вселенной.
Но выгод не ведал мирских.
Я мучился жизнью мгновенной,
Но благ не познал никаких.
Горел я, как светоч веселья.
Погас, не оставив следа.
Разбился, как чаша похмелья,
В ничто обратясь навсегда.

И ночи сменялися днями
До нас, о мой друг дорогой,
И звезды свершали все так же

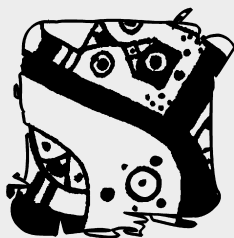

Свой круг предрешенный судьбой.
Ах, тише! Ступай осторожней
На пыль под ногою твоей —
Красавиц ты прах попираешь,
Останки их дивных очей.

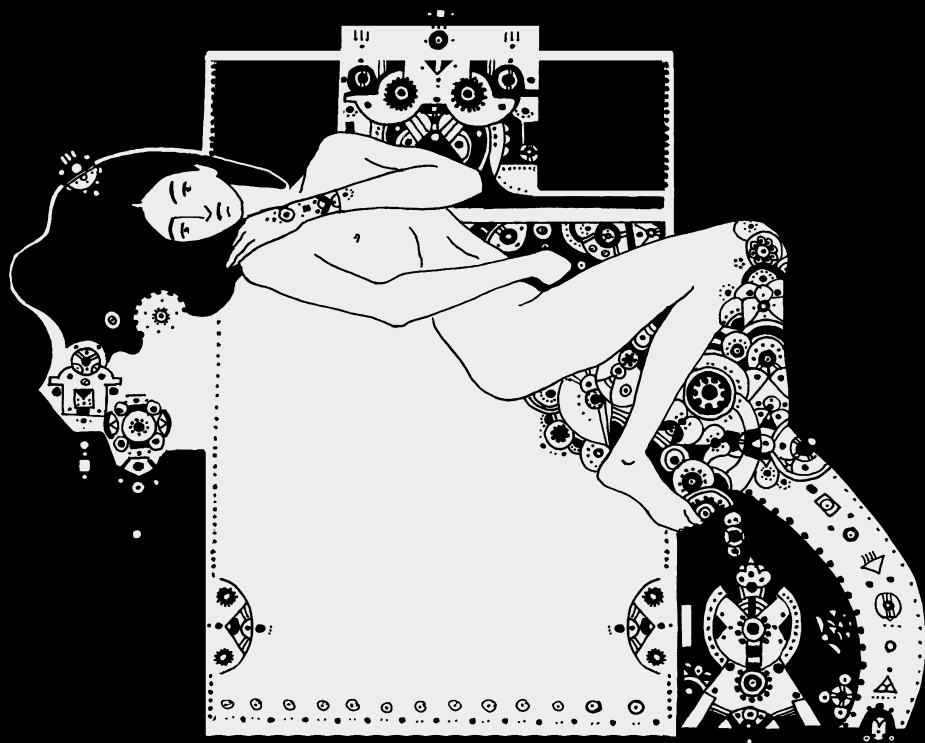
К тебе, о Неба Колесница,
Несется плач и горький стон.
Давно над смертными глумится
Неотвратимый твой закон.
О, если б грудь твою раскрыли,
Земля, Земля! Как много мы
Нашли б останков в слое пыли,
Как клад бесценный в безднах тьмы.

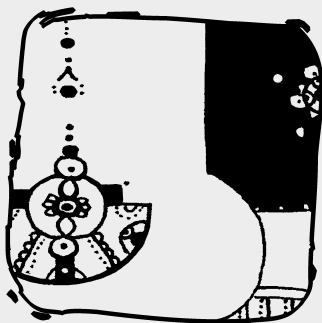
Мы умрем, а мир наш будет
В небе странствовать всегда.
Мы ж по смерти не оставим
Здесь ни знака, ни следа.
Мы не жили во Вселенной —
Мир вращался и тогда, —
И без нас ему не будет
Ни ушерба, ни вреда.

Нам говорят, что в кушах рая
Мы дивных гурий обойдем,
Себя блаженно услаждая,
Чистейшим медом и вином.
О, если то самим Предвечным
В святом раю разрешено,
То можно ль в мире скоротечном
Забуть красавиц и вино?

От жилищ неверья лишь одно мгновенье
К знанию вершин.
И от тьмы сомненья к свету уверенья
Только миг один.
Познавай же сладость, краткой жизни радость,
В мимолетный час.
Жизни всей значенье — только дуновенье,
Только миг для нас.

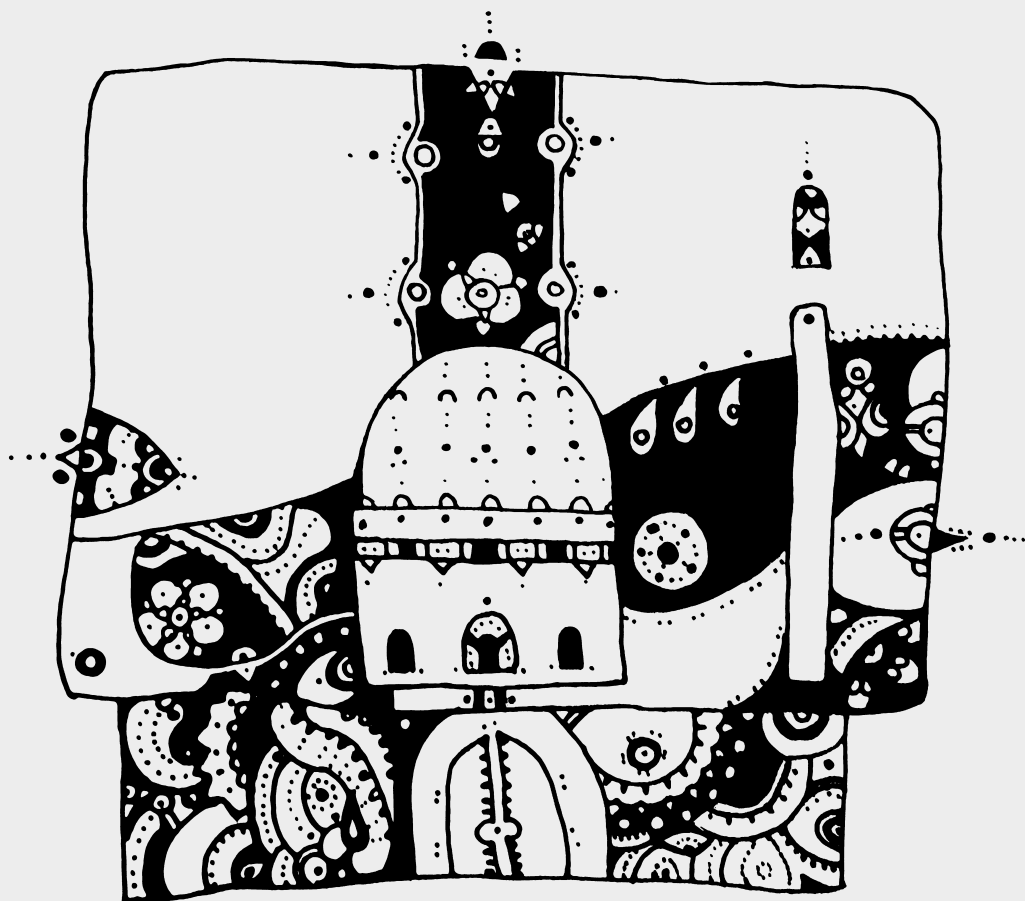
Промчались жизни беззаботной
Дни, роком данные в удел.
Как будто ветер мимолетный
По полю жизни пролетел.
О чем скорбеть? Клянусь дыханьем,
Есть в жизни два ничтожных дня:
День ставший мне воспоминаньем,
И не наставший для меня.

Прощаясь с морскими волнами
Как будто пред долгой разлукой,
Заплакала капля, а море
Смеялось над детскою мукой:
«Не плачь! Я везде во Вселенной
Питаю озера и реки,
Ты после разлуки мгновенной
Вновь будешь со мною навеки».

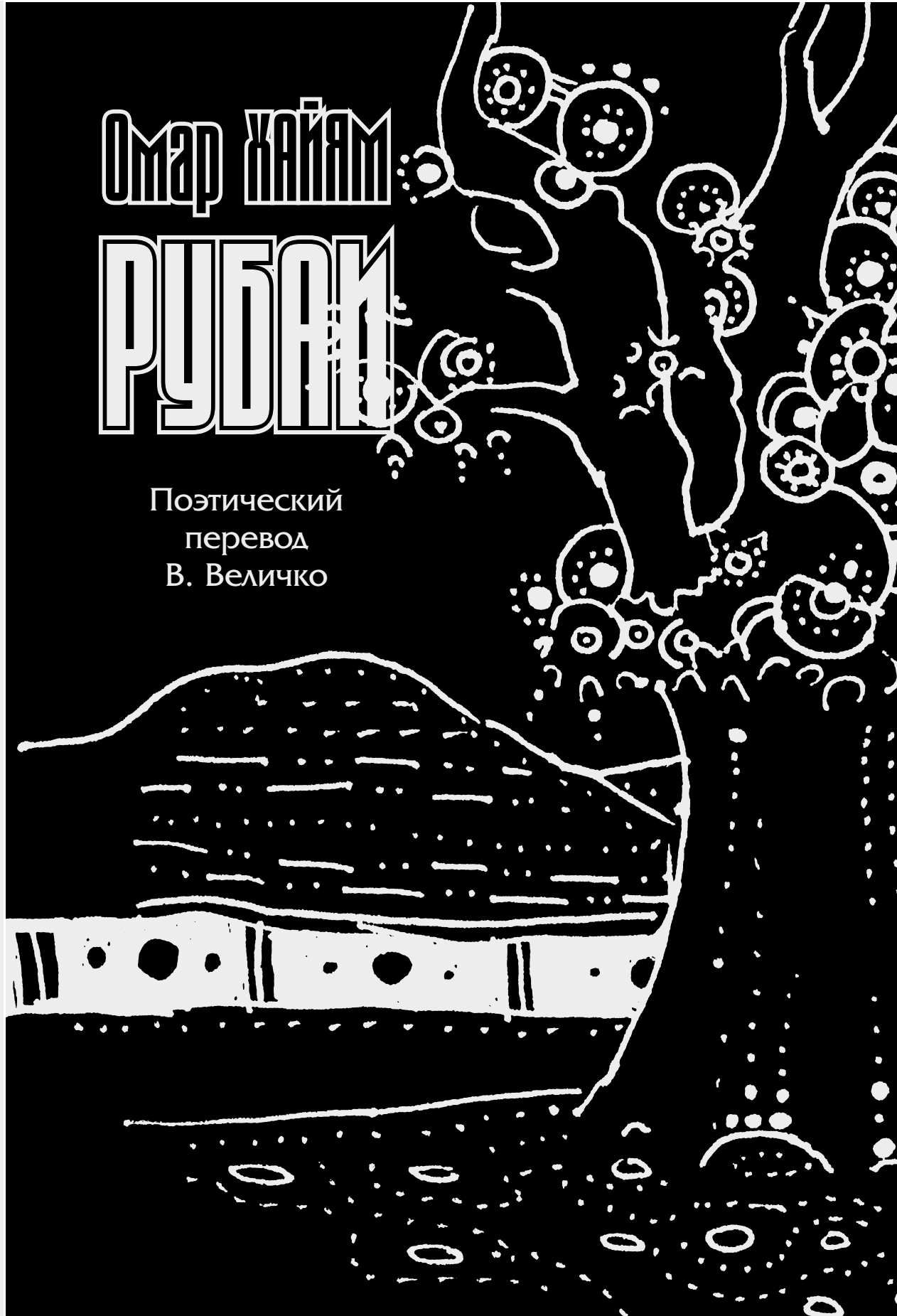
Укройте меня под землею,
Когда успокоюсь навек.
Не ставьте камней надо мною,
Чтоб помнил меня человек.
Но прах мой, ту бренную глину,
Смешайте с душистым вином,
Слепите кирпич, и кувшину
Послужит он крышкой потом.

Я буду пить, умру без страха
И, хмельный, лягу под землей.
И аромат вина из праха
Взойдет и встанет надо мной.
Придет к могиле — опьяненный,
И запах старого вина
Вдохнет и вдруг, как пораженный,
Падет, упившись допьяна.

Омар Хайям РУБАИ

Поэтический
перевод
В. Величко

Омар ХАЙЯМ

РУБАИ

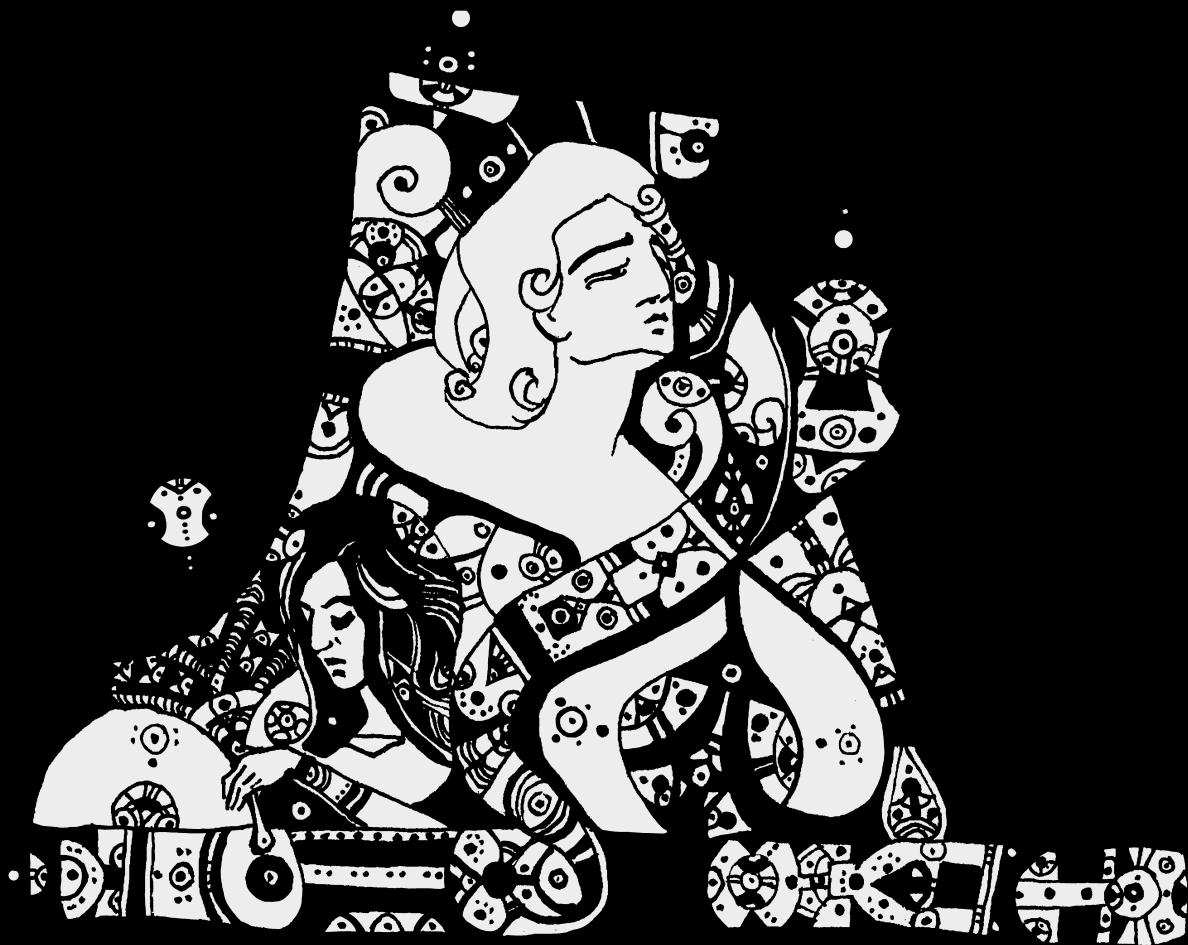
Поэтический перевод
В. Величко

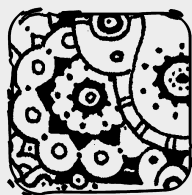
Ты словно опьянен! Безумие твое
Невежественный страх пред смертью внушает —
И с отвращеньем ты глядишь в небытие!
Ведь из небытия чудесно возникает
Бессмертья ветвь, полна живительной красоты!
И вечной смерти нет, исчезло наважденье
С тех пор, как в душу мне отрадой возрожденья
Пахнуло нежное дыхание Исы.

Убаюкан тщетною надеждой,
Разметал я на ветер полжизни,
Но и дня безоблачного счастья
Не познал в земной своей отчизне.
И теперь живу под гнетом страха:
Я боюсь, что время, время злое,
Уловить мне случай помешает —
Увенчать наградой хоть бывшее.

Открой мне дверь: открыть ее
Здесь может, боже, лишь твое
Чудесно-властное веленье!
Дай путь сознанию моему:
Ты открываешь путь спасенья!
Руки не дам я никому
Из тех, поднять кто пожелает
Меня из праха суеты.
Всех смерть и тленье ожидает,
Бессмертен, вечен только ты!..

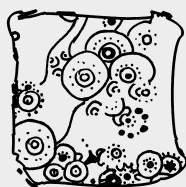

Облегчи в бедном сердце мучительный гнет,
Треволнений мирских и забот;
От недоброго взора людского укрой
Все, в чем грешен бывал я порой!
На сегодня дай светлого счастья струю —
А на завтра себя предаю
Я, мой Бог, в милосердную руку Твою.

Жалкая страсть человека — подобна собаке цепной:
Крик ее — лай непристойный, докучий, без всякого толка!
Лисья таится в ней хитрость... Дает она мнимый покой.
Зайца обманчивый сон... Сочетались, слились в ней одной
Бешенство лютого тигра и жадность голодного волка!

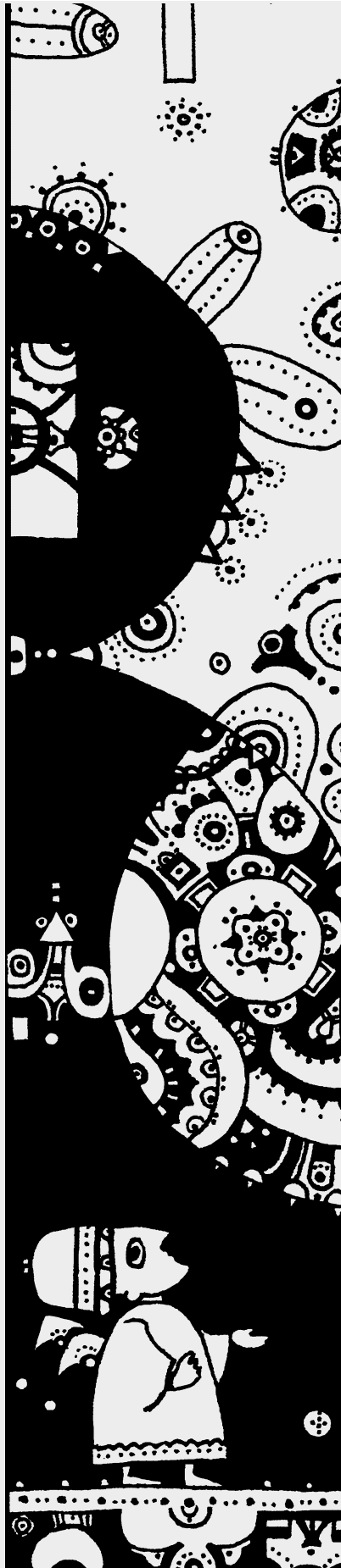
О, бойся тело отдавать
 На пищу горю и страданиям,
 Томясь слепым любостяжанием
 Пред белым серебра сиянием,
 Пред желтым золотом трепетать!
 Пока веселья час не минет
 И теплый вздох твой не остынет —
 Твои враги на пир тогда
 Придут как хищная орда!

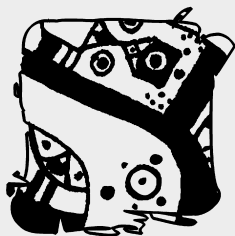

О друг, будь весел и беспечен!
 День скорби будет бесконечен —
 И в сочетание роковом,
 Сойдясь на небе голубом,
 Светила встретятся лучами,
 Твой прах землею, кирпичами
 Мгновенно станет и из них
 Дворцы построят для других.

Безумцы в мире есть, которых самомнение
 Во мрак надменности и чванства завело —
 Иных влечет мечта о райском наслажденье,
 О замках, где всегда прохладно и светло,
 Где гурии нежней и краше роз Востока.
 Безумцы! Как они обманутся жестоко!
 Аллах! Настанет день — и с тайны бытия
 Завесу темную сорвет рука твоя,
 И обнаружится, что все они упали
 Далеко от тебя, во мглу безбрежной дали.

В кумирне, в медресе, во храме, в синагоге,
Боятся ада все и рая страстно ждут.
Возникнуть не могло зерно такой тревоги
Лишь в сердце у того, кем правит разум строгий,
В ком тайны Вышнего нашли себе приют.

В могилах спящие земле возвращены,
Частицы праха их рассеяны повсюду —
Рассеяны, как пыль! Какому ж злему чуду,
Увы, подвержены ничтожества сыны?
Какой напиток их так держит в опьяненьи,
В неведеньи всего, в тревогах и сомненьях?
И будет омрачен рассудок их всегда
До дня последнего суда.

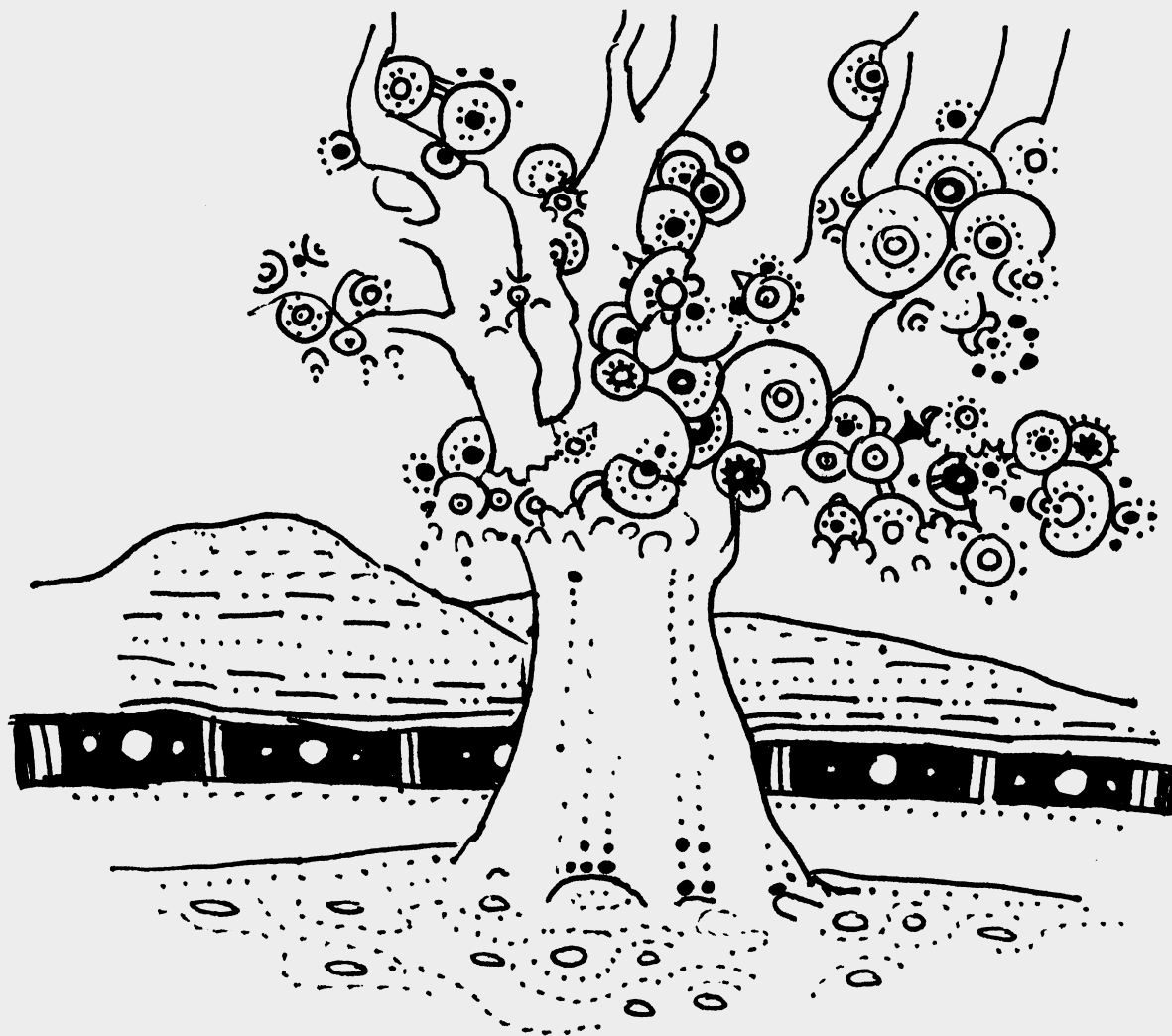

Достойней, чем весь мир возделать, заселить, —
В одной душе людской печали утолить,
И лаской одного в неволю заковать,
Чем тысяче рабов свободу даровать!

Зла речь твоя, мулла, и ненависть — ей мать!
Ты все зовешь меня безбожником, неверным.
Ты прав, я уличен! Я предан всяким сквернам,
Но будь же справедлив: тебе ли обвинять?

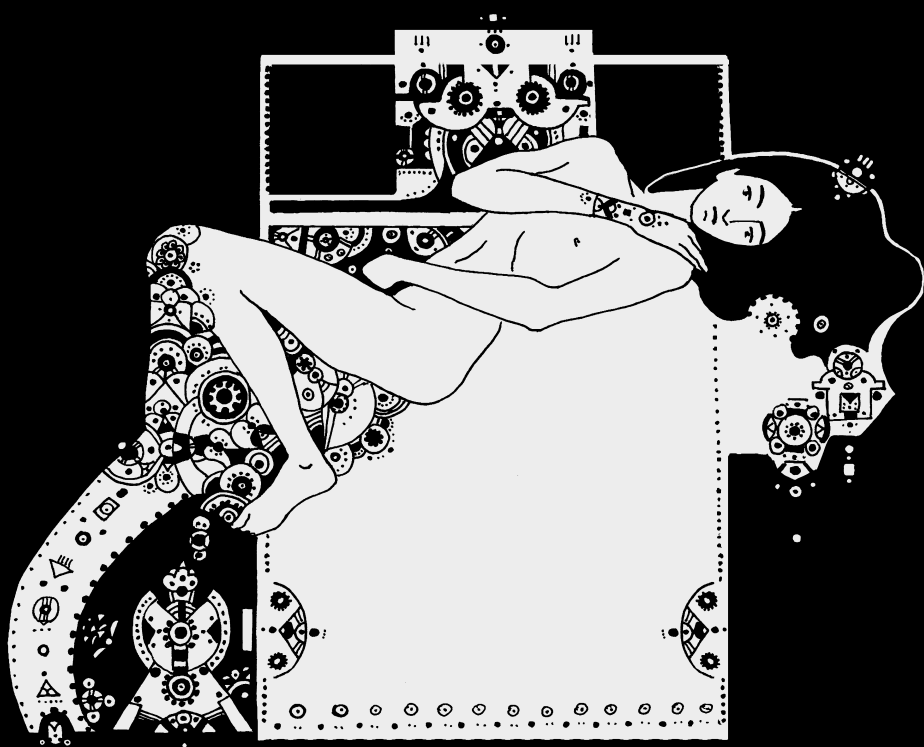
Добросовестных и умных
Уважай и посещай —
И подальше без оглядки
От невежды убегай!
Если яд мудрец предложит,

Не смущайся, смело пей!
Даст глупец противоядь,
Вылей на землю скорей!

Доколе жизнь свою ты будешь посвящать
Гордыне суетной и самообожанью?
Иль, одержим большим стремлением к познанию,
Причин небытия и бытия искать?
Пей светлое вино! Ту жизнь, что чрез мгновенье
Прервать готова смерть, идущая вослед,
Любить иль понимать не стоит. Цели нет!
И лучше жизнь влечить во сне иль в опьяненьи!

Вчера на площади базарной видел я,
 Как глину вязкую горшечник мял ногами.
 С него усердья пот катился в три ручья.
 И этот мертвый прах незримыми устами,
 Казалось мне, шептал: «Я ближним был твоим!
 Стыдись! Не будь так груб и так неумолим!»

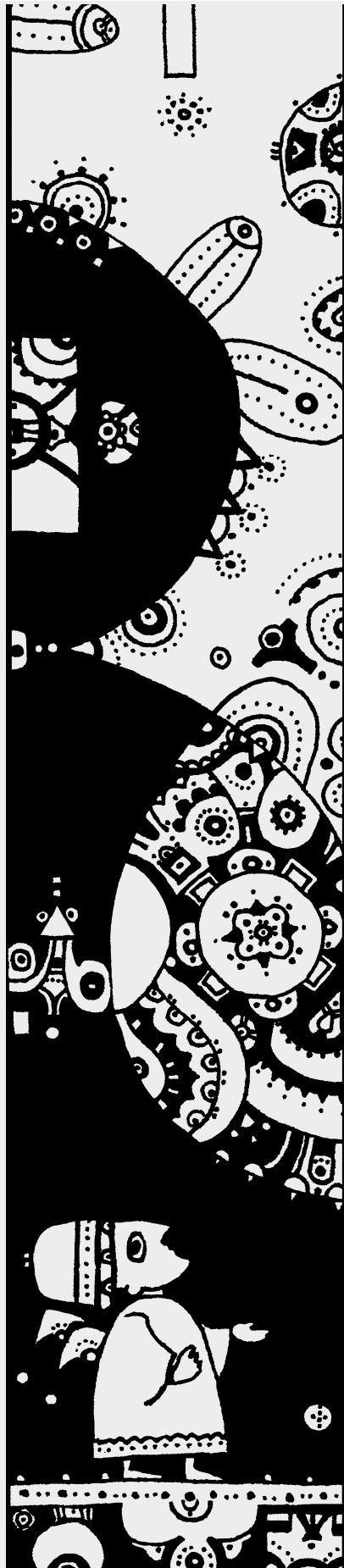

Есть в небе бык Первин — созвездие плеяд,
 А на рога другой взял землю, говорят.
 Открой же взор души, открой глаза сознания,
 Как те, сподобился кто истинного знания, —
 И посмотри-ка: там, меж этих двух быков,
 Какое множество... ослов!

Когда бы ясно тайны жизни
 Постигло сердце человека,
 Оно б и тайны смерти знало,
 Нам недоступные от века!
 И если ты — слепой невежда,
 Теперь, когда ты сам с собою —
 И с миром видимым, и с жизнью
 Не разлучен еще судьбою,
 То что ж, когда себя покинешь
 И жалкий прах в земле истлеет, —
 О, что ж тогда твой дух бесплотный,
 Безличный дух уразумее?

К чему, когда осуществленья
 Желаньям нашим не дано,
 И все заранее судьбой предreshено, —
 К чему все замыслы, усилия и стремленья?
 Мы вечно мучимся, влачась в земной пыли,
 И сожаленьями мы растрavляем рану,
 Со вздохом говоря: «Ах, поздно мы пришли!
 Уйти придется слишком рано!»

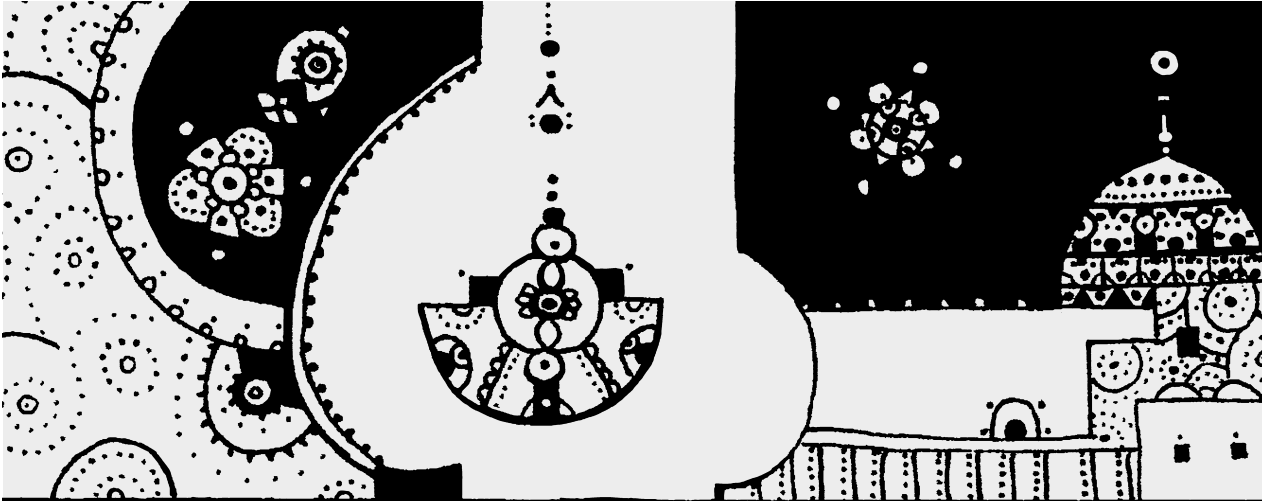
Мне лучше быть с Тобой в вертепе, в кабаке
 И помышлениями заветными делиться,
 Чем без Тебя, мой Бог, идти в мечеть — молиться
 Без пламени в душе, но с четками в руке!
 Да! Сотворивший все, что было, есть и будет!
 Чтоб ни было со мной, но знай, так верю я —
 Введет ли в рай за то меня рука твоя
 Иль на сожжение в аду меня осудит.

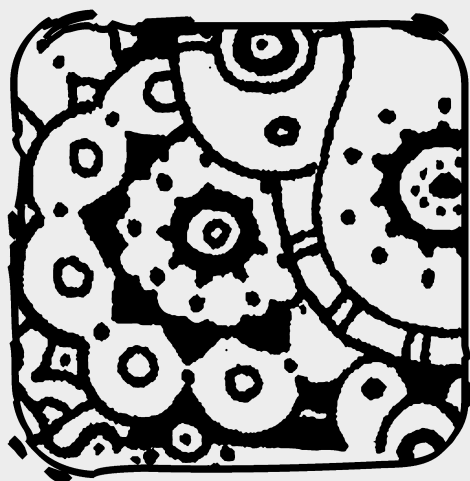
Моя возлюбленная вновь
 Дарит мне прежнюю любовь!
 Дай бог, чтоб дни ее сияли
 Так долго, как мои печали!..
 Единым нежным обожгла
 Мгновенным взором — и ушла,
 Оставив счастья обаянье...
 О, верно, думала она —
 Свершив добро, душа сильна,
 Когда не ищет воздаянья!

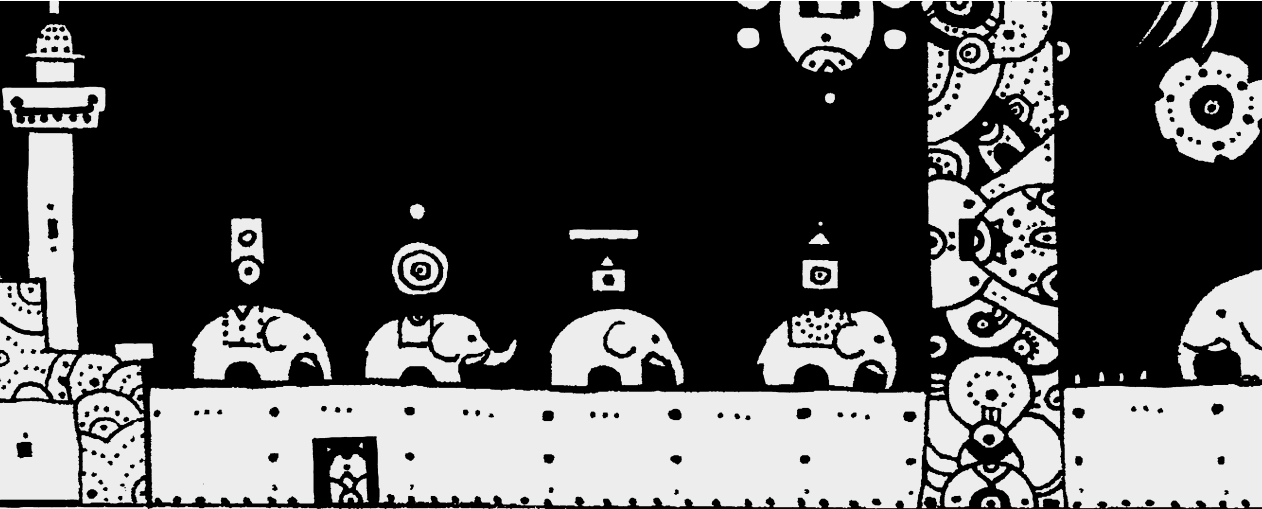
Нет в суетной любви могучего сиянья:
Как пламя зыбкое в минуту погасанья,
Она не может дать живящего тепла!
Ее наследие — холодная зола!
Но кто божественной любовью пылает,
Ни отдыха, ни сна, ни пищи тот не знает!
В сияньи радостном взойдет ли яркий день,
Иль мир окутает чадройю ночи тень,
Несутся ль месяцы, года чредой крылатой —
Все призрак для души, любовию объятый!

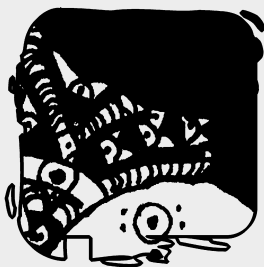
Коль знаменит ты в городе, ты — «худший из людей»!
Коль ты забьешься в угол свой, ты — «вредный чародей»!
Святым ли будь, пророком ли — разумнее всего
Здесь быть для всех невидимым, не видя никого.

Надменным небесам брось вызов горстью пыли.
И в том, чтобы тебя красавицы любили,
Миг счастья лови, ищи его в вине!
О чем тебе молить и в чем просить прощенья?
Вернулся ль хоть один — один, как исключенье
Из всех, исчезнувших в неведомой стране?

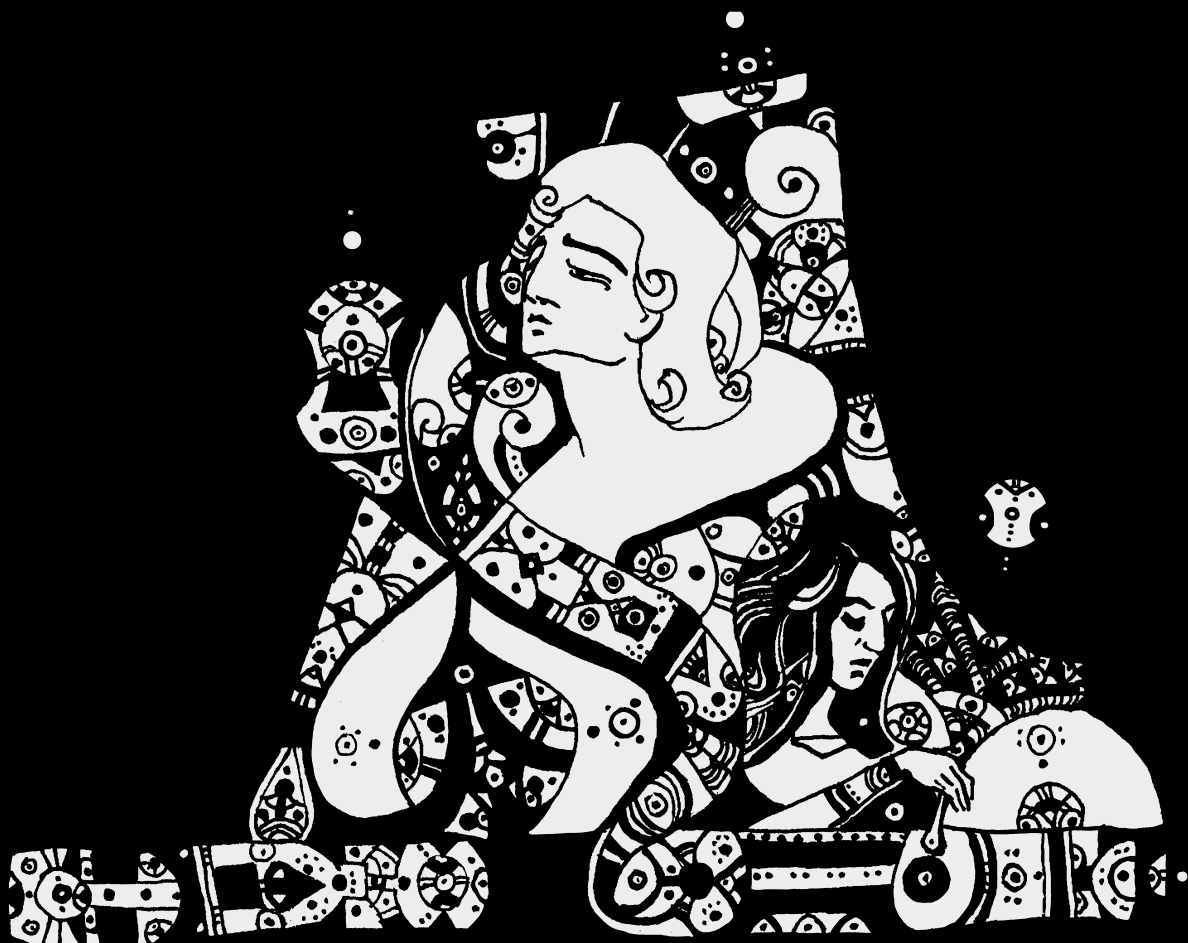
Над розами еще проходят облака,
Окутывают их фатой прозрачной тени.
Все жажду сердцем я волшебных опьянений —
Не отходи ко сну, не пробил час пока!
О, пей душа моя! В вине сверкает пламя.
И залит небосвод багряными лучами.

Назначьте свиданье, друзья!
Когда под землей буду я,
Сойдитесь в условленном месте.
Завету верны моему,
Возрадуйтесь сердцем тому,
Что дружно пируете вместе!
Когда виночерпий молодой
К вам с чашей войдет круговой,
Рубины заблещут огнями
В живительном старом вине.
Пусть каждый, вздохнувший по мне,
Пьет в память о бедном Хайяме!

Никто на свете не проник
В начала вечного тайник.
Не мог никто ступить ни шагу
За грани личного мирка!
Я вижу: от ученика —
До тех, кто нас ведет ко благу,
Несовершенно все и вся —
Все то, что матерью зачато,
Несовершенства яд неся
От дней рассветных до заката!

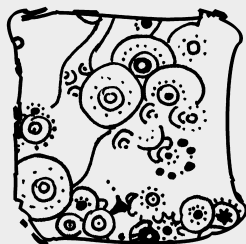

Непобедимую в нас поселил, Господь, Ты страсть.
Но Ты же — не велишь отдаться ей во власть!
И бедный род людской в большом недоуменье —
Твой дар, приказ Твой — Страсть! Твое ж и запрещенье!
Ты словно повелел нам чашу наклонить,
Из содержимого ж — ни капли не пролить!

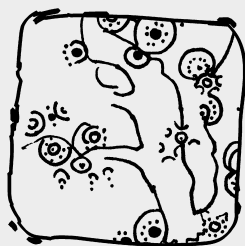

Не спрашивай меня о том, что так превратно,
О прошлом, будущем... Жизнь — ветра дуновенье.
Считай добычею бегущее мгновенье —
К чему заботиться о том, что невозвратно?

Ну да, я пью вино!.. И кто не слеп умом,
Кто истину, как я, уразумее,
О, тот поймет, что перед божеством
Поступок мой значенья не имеет.
Аллах от века знал, он знал давным-давно,
Что мне, рабу его, придется пить вино!
Его лишь оскорбить я мог бы воздержаньем —
Его предвиденье явилось бы незнаньем...

Однажды ночью, в тихом сне
Мудрец явился мне
И нежным голосом участия
Поведал: «Роза счастья
Во сне не может расцветать.
Чем смерти подражать,
Вина хлебни-ка: под землею
Напишись вдоволь в час покоя!»

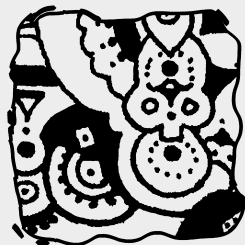
О, друг! Зачем пешишь о тайнах бытия,
В безумии желать того, что невозможно?
Мечтой бесплодной охвачена тревожно,
Напрасно смущена зачем душа твоя?
Будь счастлив, веселись! При сотвореньи света
Никто ведь у тебя не спрашивал совета.

Ныне в безумстве любви, в безумном, безмерном волнении
Разум утратили мы — и тонем, горим в опьянении,
Служим святыне вина в кумирне заветной своей!
Ныне, сейчас, через миг, с восторженно-сладкою дрожью
Прах бытия отряхнув — как дух, вознесемся к подножью
Трона, где вечность царит в сиянии нетленных лучей...

О, если я проник в храм твоего доверья,
То слушай — дам тебе спасительный совет.
Любовию к тому, в чьей власти мрак и свет,
Молю, не надевай одежды лицемерья,
Плаща ханжи не надевай!
Чрез миг наш бренный мир исчезнет в бесконечности!
Лишь вечность — без конца. Пойми ж: не продавай
За краткий миг все царство вечности!

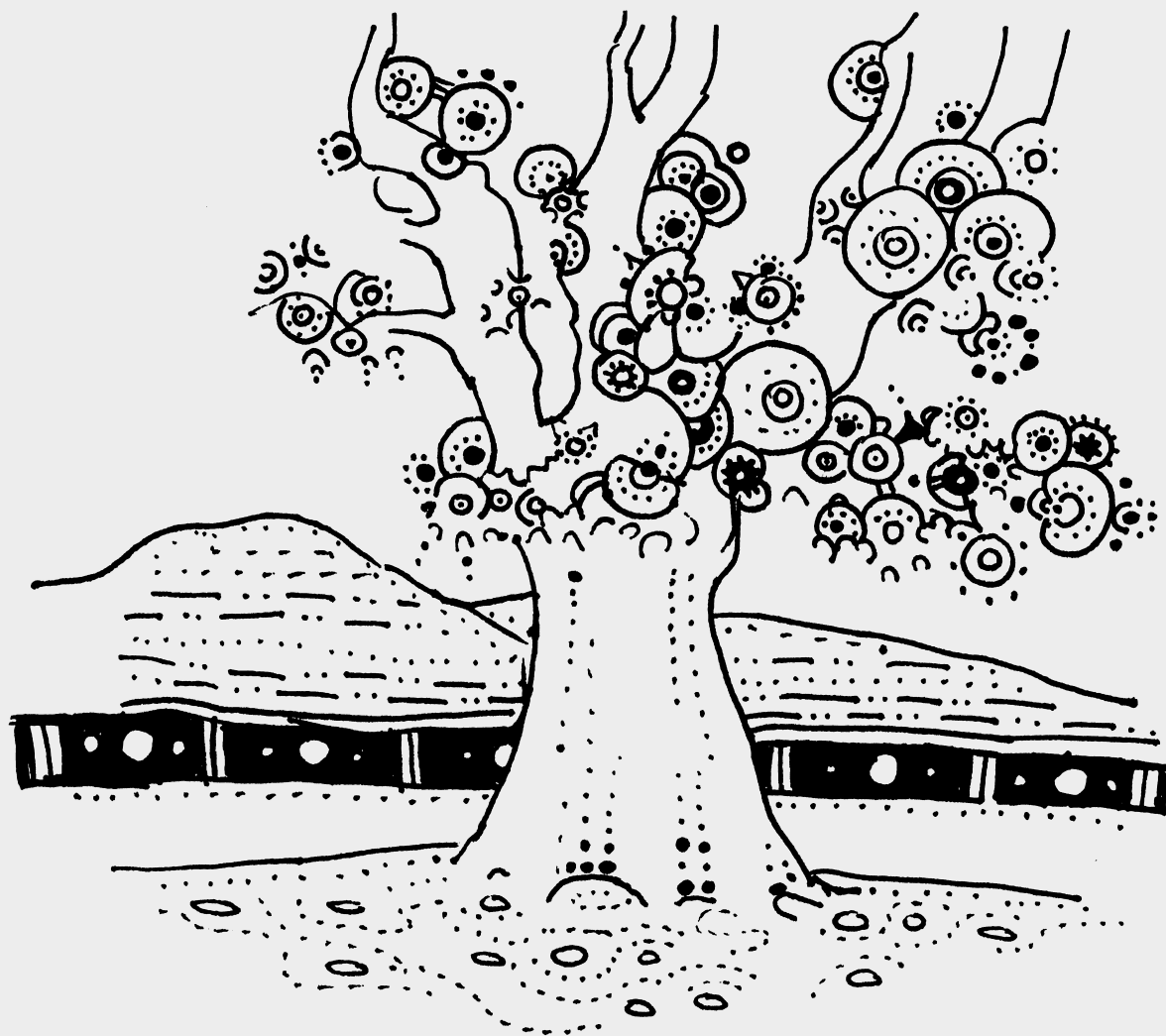

Подобно соколу, мой дух, расправив крылья,
 Из мира чудных тайн стрелою полетел —
 Умчаться в высший мир хотел —
 И что ж? Упал сюда, в мир праха и бессилья!
 Не встретив никого, кому души тайник
 До сокровеннейших извилин
 Открыть бы мог, любя. Печален и бессилен,
 Я выйду в ту же дверь, в которую проник.
 Подобье караван-сарая —

Наш мир, в котором тьма ночная
 Попеременно с днем гостит, —
 Остаток пира исполинов,
 Объедки сотни властелинов,
 Гостеприимных, как Джемшид.
 Наш мир — гигантская могила,
 Что ложем смерти послужила
 Могучим, грозным ста царям,
 Неустрашимым, как Бехрам.

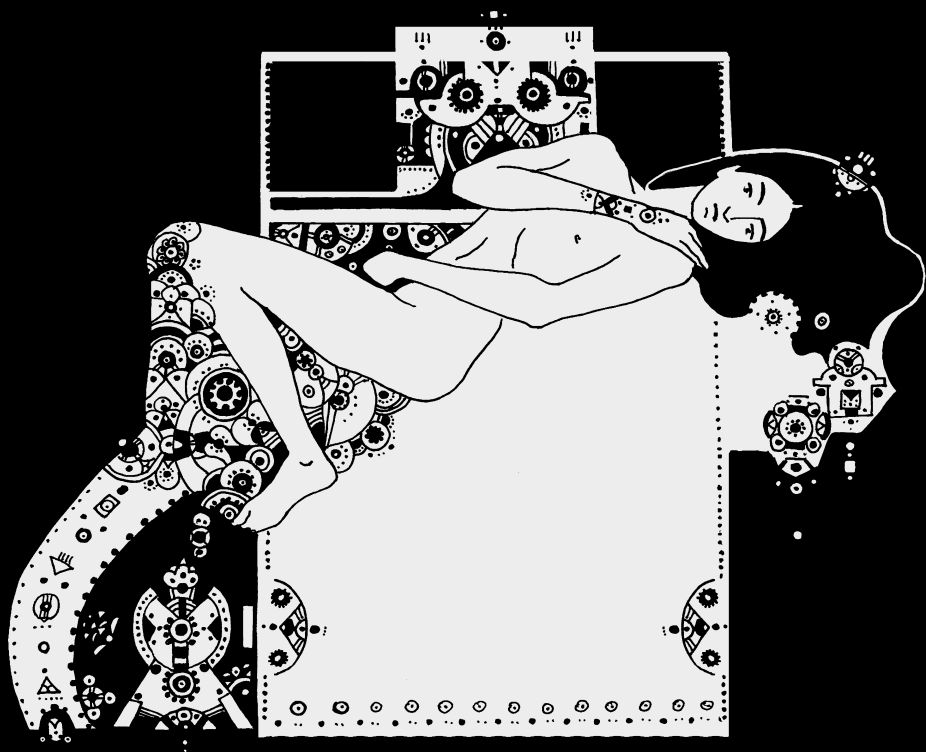
Пусть колесо судьбы мне мира не дает —
Ну что же! Я готов сейчас идти войною!
Пусть доброй славою бессмысленный народ
Меня не наградил — позор зато со мною.
Все прочее — слова!

Вот кубок, и в вине горит рубина пламень —
Ведь у непьющего найдется голова,
А у меня найдется — камень...

Расцвела сегодня пышно
Роза счастья твоего!
Где же чаша? Чаши в руку
Не берешь ты — отчего?
Время — враг наш беспощадный.
Друг мой милый, пей вино.
День отрадный, как сегодня,
Снова встретить — мудрено!

Скажи, ты знаешь ли за что в устах народных
Лилея, кипарис название благородных
Стяжали с давних пор?
Для люда грешного их воздержанье — диво:
Ей десять языков дано и — молчалива!
А у него сто рук, и он их — не простер.

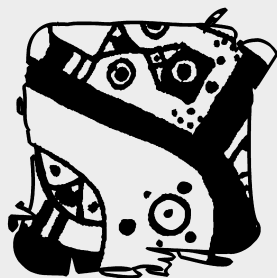

Счастливо сердце того, кто в жизни прошел неизвестный,
Шелковых тканей не знал и пряжи волнистой Кашмира.
Кто, словно птица Симург, вознесся к лазури небесной,
А не гнезвился совой в развалинах этого мира...

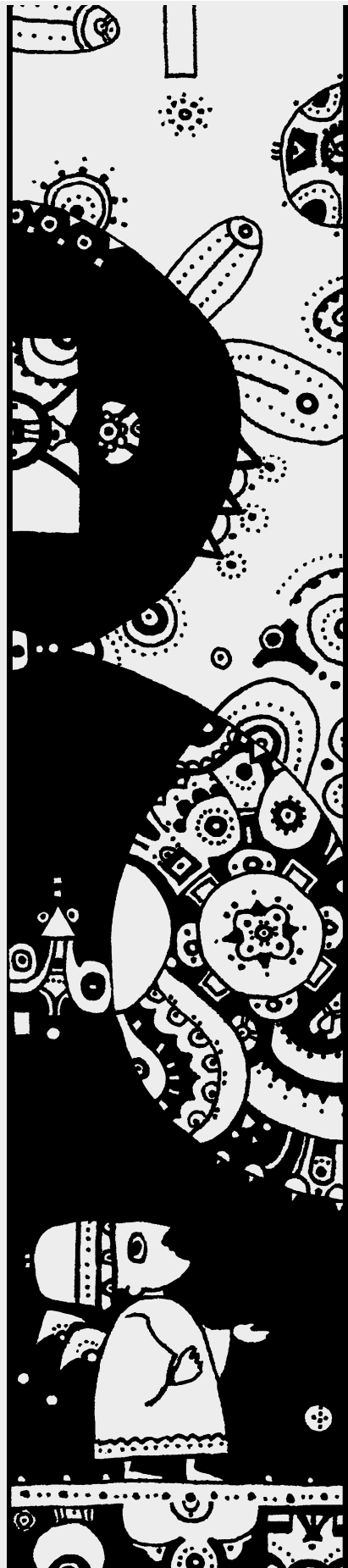
То сокровенен Ты, невидим никому,
 То открываешься в твореньях, как Зиждитель.
 Но нет сомнения! Себе лишь самому
 В утеху Ты творишь созданий чудных тьму.
 Ты — сущность зрелища и вместе сам Ты — зритель!

Узор изменчивый загадочной природы
 Ты разъяснить просил. И тайны бытия.
 Но чтобы правду всю поведать, нужны годы —
 И буду краток я.
 Наш мир — что марево. Чудесную картинку
 Подъемлет лоно вод. И, зыблясь, как туман,
 Чрез миг опять она падет в свою пучину,
 В бездонный океан.

Умерь желания и жажду бранных благ,
 Коль счастья хочешь ты, сумей порвать оковы,
 Которыми тебя опутал свет суровый,
 С земным добром иль злом связав твой каждый шаг...
 Живи, довольный всем: спокойное движенье
 Сияющих небес прерваться не должно
 А нашей жизни суждено
 Исчезнуть в вечности, мелькнувши на мгновенье...

Хоть жемчуг должного тебе повиновенья
Я не нанизывал на нити поведенья
И сердца не влачил я в прахе ног твоих,
Я чужд отчаянья и верю: будет миг,
Приду к подножию божественного трона,
И буду принят я на милосердья лоно
И буду мил тебе — ведь я всю жизнь молчал,
Ведь жалобами я тебе не докучал!

Хайям, Хайям! Твой жалкий прах
Подобен трепетной палатке.
В ней дух царит как падишах,
Но дни его царенья кратки.
Они ведут к небытию,

Его последнему приюту.
Едва успеет он свою
Палатку бросить, — чрез минуту
Ферраши смерти прибегут
И все разрушат, все сорвут,
Чтоб средь песков пути иного
Создать разрушенное снова.

Чье сердце благодати лучом озарено,
Невидимым лучом невидимого бога,
Где б ни был сердца храм — мечеть иль синагога,
Где б ни молился тот, чье имя внесено
В скрижали истины, в любви святую книгу, —
Он чужд волнения, он недоступен игу,
И не страшит его кромешный, жгучий ад,
И не пленяет рай исполненный услад!

Я непокорный раб... Где ж, воля, власть твоя?
Душа моя черна, объята мглой порока...
Где ж свет дающее всевидящее око?
О, если ты нам рай, всеильный наш судья,
Даешь за то, что мы блюдем твои веленья
Ты выполняешь долг — и больше ничего!
Где ж милосердие, свет лика твоего,
Куда ж девается твое благоволенье?

Я целый день вину хвалебный гимн пою.
Веселия лозой обвил я жизнь свою.
О, доблестный ханжа! Будь счастлив убежденьем
Что мудрости самой ты внемлешь порученьям.
Но знай, по крайности, что мудрость, ментор твой,
Ничтожный школьник предо мной!